

«УТВЕРЖДАЮ»

И.о. директора Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, доцент

В.С. Мартьянов

«12» ноября 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук

на диссертационную работу Матвейчева Олега Анатольевича

«Философское творчество Акима Волынского в контексте русского
религиозно-философского ренессанса конца XIX – начала XX в.»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности: 5.7.2. – История философии

Актуальность темы представленной диссертационной работы определяется как внутренней логикой развития современной философской мысли, так и теми историческими условиями, в которых это развитие совершается в последние 150 лет. Русский религиозно-философский ренессанс рубежа XIX – XX веков явился, с одной стороны, выражением мощных творческих потенций, заложенных в русской духовной культуре, но с другой стороны, он, очевидно, стал и предвестием тех революционных потрясений, которые эту традиционную русскую духовную культуру разрушили. И творческие взлёты, и декаданс в одинаковой степени были свойственны интеллектуальной и эстетической атмосфере Серебряного века. Можно согласиться с диссертантом в том, что настоящее философское осмысление этого переломного момента российской истории ещё не состоялось. Раскрытие духовного и социокультурного смысла этого предельно яркого и предельно трагического периода развития русской философии составляет, возможно, наиболее важную историко-философскую тему на сегодня. Вопрос, более 30 лет назад вынесенный В.Н. Сагатовским в название своей книги, «Русская идея: продолжим ли прерванный путь» (1994), сохраняет свою актуальность. Продолжить – не значит повторять идеи, высказанные более ста лет назад, и пытаться применить их к современности.

Продолжить – значит мыслить дальше из того начала, которое было обретено философской традицией, постоянно возвращаясь к этому началу и углубляя его понимание. И вот в этом отношении фигура А.Л. Волынского, взятая диссертантом в качестве центральной темы исследования, представляется как нельзя более подходящей и – даже символичной. Будучи активным участником философских, литературных, историософских, социальных и культурологических дискуссий рубежа веков, будучи одним из «лидеров общественного мнения», как сказали бы о нём сейчас, вызывая своими выступлениями острую реакцию (как позитивную, так и негативную) у современников, став «прототипом героев нескольких художественных романов эпохи Серебряного века как персонаж, в котором авторы видели воплощенный дух эпохи» (С. 5)¹, – он теперь практически неизвестен. Как пишет диссертант, «значение Волынского резко контрастирует с тем забвением, которое началось после его смерти (1926 г.) и длилось все последующее столетие» (С. 4). Это является основанием общекультурологической актуальности исследования жизни и творчества А.Л. Волынского. А историко-философская актуальность проведённого автором диссертационного исследования определяется тем, что философская сторона и философская основа творчества А.Л. Волынского оставались до сих пор непроанализированными, как и его влияние на философский процесс в России конца XIX – начала XX века.

Отмеченное выше парадоксальное сочетание прижизненной активнейшей роли А.Л. Волынского в культурной жизни современного ему общества и практически полного его забвения после смерти накладывает отпечаток и на то состояние научной разработанности темы, которое фиксирует диссертант. Имеется в наличии огромный массив научной литературы, посвящённой интеллектуальному наследию Серебряного века русской культуры, однако «тема творчества А. Л. Волынского остается наименее разработанным местом, особенно в той ее части, которая касается его философских воззрений» (С. 10). В этой связи автором диссертации проведена большая и кропотливая работа по изучению широкого круга первоисточников. Из 455 пунктов Списка литературы больше половины – 240 – составляют первоисточники различного рода: философские и литературоведческие статьи, художественные манифесты, общественная публицистика рубежа XIX – XX веков, воспоминания современников о том времени и о личности А.Л. Волынского, а также (48 пунктов) – работы самого А.Л. Волынского. При этом последние по времени издания два крупных и

¹ Здесь и далее даются ссылки на текст диссертации.

весьма значимых его труда («Гиперборейский гимн», 2022 и «Рембрандт», 2023) подготовлены к изданию и изданы при самом непосредственном участии диссертанта.

Переходя к анализу положений и выводов диссертации, составляющих её научную новизну, следует отметить, что определённые элементы этой новизны присутствуют в каждом параграфе, некоторые же параграфы либо демонстрируют качественно новую глубину рассмотрения и решения уже поставленных в исследовательской литературе проблем (параграфы 1.1, 1.4, 1.5, 2.3, 2.4, , либо являются попросту первопроходческими, обращаясь к практически не исследованным сторонам философского творчества А.Л. Волынского (параграфы 2.5, 2.6, 2.7, 2.8 и вся третья глава).

Несмотря на то, что еврейская, иудаистская основа мировоззрения А.Л. Волынского ни для кого секретом не является, да и сам он не делал из этого никакого секрета, внутренняя духовно-интеллектуальная связь всей его публицистической, общественной и философской деятельности с талмудическим богословием и философией каббалы оставалась до сих пор не проанализированной. Параграф 1.1 диссертации обращается к этой теме, обращая наше внимание «на тот срез самосознания, на тот актуальный для данного времени и места комплекс вопросов, который ставила себе еврейская община в тот исторический момент, пусть даже ее самосознание и представления об историческом процессе и опыте еврейства не совсем совпадают с научными фактами, тем более ставшими известными значительно позже» (С. 29-30), учитывая то, что «Волынский, выросший в религиозной еврейской семье, был с самого детства причастен к этике и философии иудаизма, интересуясь при этом не только талмудическим богословием, но и его древними истоками, отголосками древнейшего Предания» (С. 34). Именно обращение к этим религиозно-философским истокам мировоззрения А.Л. Волынского позволяет диссертанту реконструировать его историософскую концепцию, анализируемую в параграфе 3.3., а также поместить её в более широкий контекст *архивевразийства*.

Методологическое значение философии Б. Спинозы и И. Канта для понимания мировоззренческих основ творчества А.Л. Волынского раскрыто в соответствующих параграфах на уровне глубинной связи идей, в том числе связи кантовской философии с духом философии Спинозы. Как пишет диссертант, «Спиноза задолго до Канта знал про «мир феноменов», не употребляя этого термина, – этот факт был для Волынского очевиден. И потому для него естественным был последующий транзит к Канту» (С. 44). В идейную связь с философией Спинозы поставлена диссертантом и уникальная

«герменевтика телесности», применяемая Волынским в его искусствovedческих работах.

Несомненной заслугой и научной новизной диссертационного исследования является раскрытие ключевой роли А.Л. Волынского в философских дискуссиях конца XIX – начала XX в. Диссертантом раскрывается и обосновывается тот факт, что именно Волынскому принадлежит приоритет серьёзного обращения к идеям И. Канта в интеллектуальном пространстве русской культуры. Среди русских философов – как западников, так и славянофилов – гораздо более востребована была философия Г.В.Ф. Гегеля и (особенно) Ф.В.Й. Шеллинга, к наследию же Канта, после знакомства с ним и формального его освоения в первой четверти XIX века, российская интеллектуальная публика быстро охладела, – тем более, что ко второй половине века подоспела мода на позитивизм, а само слово «идеализм» стало почти ругательным. Существенной научной новизной диссертации является обоснование того факта, что русский религиозно-философский ренессанс был идейно подготовлен А.Л. Волынским, его творческой разработкой кантовских идей, его анализом «критической» и «догматической» стороны философии Канта: «Именно с кантианских позиций Волынский подверг критике прогрессизм и позитивизм русских публицистов 1840–60-х гг. и таким образом способствовал разрыву нового поколения с ценностями предшествующего, что дало начало отечественному религиозно-философскому ренессансу начала XX в.» (С. 77). Исходя из творческого развития кантианских идей, за двадцать лет до религиозно-философских проектов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Волынский выражает убеждение, что только возрождающееся религиозное сознание сможет спасти человечество, а также даёт надежду на скорое религиозное обновление российского общества. Следует кстати отметить, что такая трактовка А.Л. Волынским «двойственности» философии Канта и его оценка её творческого потенциала предвосхищают тот подход, который был реализован баденской школой неокантианства на полвека позже. Говоря же об истоках трактовки Волынским кантовской философии, диссертант отмечает явную перекличку с А. Шопенгауэром («трактовка Канта Волынским близка к шопенгауэрианской» (С. 76))

Исследование в диссертации вопроса об отношении Волынского к Ф. Ницше и ницшеанству также обладает существенной научной новизной. Этому исследованию посвящён отдельный параграф. В историко-философской мысли давно отмечен тот факт, что, при отсутствии прямых учеников, Ницше своими произведениями оказал влияние на все без

исключения философские школы и направления XX века. Роль ницшеанства в развитии русского религиозно-философского ренессанса чрезвычайно велика, и проведённый диссертантом анализ позиции А.Л. Волынского в дискуссиях по поводу Ницше существенно углубляет не только наше понимание интеллектуальных процессов в России рубежа XIX – XX веков, но и заставляет по-новому взглянуть на роль и значение самого Ницше в мировом философском процессе. В этом своём анализе диссертант демонстрирует неоднозначность, нелинейность восприятия Волынским идей Ницше: Волынский не может быть отнесён ни к числу отрицателей, ни к числу поклонников Ницше, – само название параграфа – «Был ли Волынский антиницшеанцем?» – подразумевает, что его легко принять за антиницшеанца, однако таковым он, видимо, не является. Это «видимо», подразумеваемое в названии, получает глубокую научную и философскую аргументацию далее по тексту. С одной стороны, «в отличие от многих своих современников А. Л. Волынский оставался одним из наиболее непримиримых критиков Ницше на протяжении всей своей жизни» (С. 80), и тем самым ставил этих современников в тупик: только что он критиковал В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, выступал против утилитаризма, социологизма и позитивизма, а теперь обратил свою критику против возможных союзников в этом деле, – против Ницше и его последователей. Но с другой стороны, – «от неприятия идей Ницше до их интеграции в свое учение – такой была история взаимодействия Волынского с творчеством великого немца» (С. 98), делает вывод диссертант на основе подробного анализа теоретических построений А.Л. Волынского, касающихся «аполлонизма» и «гиперборейства».

«Поворот к идеализму», предопределивший эстетическое и философское содержание «Серебряного века», по утверждению диссертанта, был намечен и задан в работах А.Л. Волынского 1880-х и 1890-х годов: «Провозвестник русского религиозно-философского возрождения, Волынский как минимум на десятилетие опередил богоискательство Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова» (С. 112). Философский идеализм Серебряного века и декларация разрыва с революционно-демократической интеллигенцией классически выразились в статьях легендарного сборника «Вехи» (1909), которому предшествовал сборник «Проблемы идеализма» (1902). По многим причинам ситуативного характера А.В. Волынский даже не рассматривался инициаторами «Вех» в качестве возможного участника и соавтора этого проекта, однако подробный анализ идейной основы сборника, проведённый диссертантом (С. 137-144), показывает, что «практически все главные тезисы «Вех» содержались в

текстах Волынского, опубликованных за десятилетие, а то и два до выхода сборника» (С. 137). Для многих современников этот факт был достаточно очевиден, – авторов «Вех» (а ещё до того – сборника «Проблемы идеализма») часто признавали «коллективным Волынским» и противники, и сторонники заявленного там направления. Однако к настоящему времени первенство Волынского в разработке фундаментальных для русского религиозно-философского ренессанса идей оказалось уже прочно забыто. Таким образом, научное и философское значение представленной диссертации в этой части неоспоримо: диссертант восстанавливает не просто историческую справедливость, но и – через анализ мировоззрения Волынского – восстанавливает *философскую логику мировоззренческого генезиса Серебряного века*.

Проведённый в диссертации анализ взаимоотношений А.Л. Волынского с Л.Н. Толстым и трактовки им толстовского мировоззрения также значительно углубляет историко-философское понимание динамики развития русской культуры в конце XIX – начале XX века. Фигура Толстого, как правило, оценивается либо в исключительно превосходных тонах – как великого писателя и великого мыслителя от начала и до конца, либо – при наличии определённого критического отношения к толстовскому «учению» – на основе методологического разделения художника-писателя и мыслителя-человека. В последнем случае говорится об определённых неудачах в духовно-нравственных, религиозно-философских и социально-утопических исканиях великого художника слова, – и даже о глубокой человеческой трагедии литературного гения. Волынский, как показывает диссертант, исходит в этом случае из своего коренного «спинозизма», из признания духа и тела, художественного творчества, философских идей и человеческого быта всего лишь разными сторонами единой «субстанции». Это и даёт ему возможность сделать заключение, которое может показаться кощунственным для многих не только почитателей, но и критиков Толстого: «С точки зрения Волынского, жизненный путь Толстого – это деградация. От человека с великолепным дворянским образованием и высокими ценностями, в т. ч. и эстетическими, которые были реализованы в его лучшие годы в писательском ремесле, Толстой уходит в примитивную моралистику, которая негативным образом сказывается на художественных качествах его последних произведений» (С. 158).

Очень ценным видится в контексте исследований русской философии рубежа XIX – XX веков обращение диссертанта к анализу той критики, которую А.Л. Волынский обратил на В.С. Соловьёва. Признанному классическому

идеалистической философии, «главному русскому идеалисту» и «учителю всех русских идеалистов» Волынский фактически отказывает в праве называться идеалистом, видя в его взглядах «буржуазность», то есть практически-жизненный материализм (С. 170)! В этих нападках диссертант отмечает и недостаток философской образованности Волынского, и журнально-публицистическую стилистику мысли (с навешиванием ярлыков), свойственную как раз всегдашним его противникам, революционным демократам. Однако, как показывает проведённый анализ, «за противостоянием этих двух мыслителей скрывается принципиально различная онтология» (С. 176): «различия между Волынским и Соловьевым подобны различию между дивергенцией и конвергенцией, коллекцией и селекцией. Волынский представляет историю как древо, исходящее из единого истока — из единого корневища — и разветвляющееся, причем объединения этих «ветвей» в некое новое всеединство уже не предполагается, поскольку всеединство осталось в начале исторического пути. Однако это историческое древо продолжает питаться от изначального корня. У Соловьева же мир движется от множества «отвлеченных начал»: мир как бы изначально разбился на осколки, которые должны быть собраны в единый пазл окончательного всеединства, окончательной конвергентной Истины» (С. 178). Выявленная диссертантом «принципиально разная онтология» внутри идеалистического лагеря даёт возможность глубже и по-новому понять философский потенциал русского религиозно-философского ренессанса, который нередко представляется неким идейно богатым, но слабо дифференцированным течением в культуре.

В диссертации также зафиксировано и проанализировано первенство А.Л. Волынского в переосмыслении значения исторической эпохи Ренессанса, имевшей со времен Ж. Мишле и Я. Буркхарта исключительно позитивные коннотации у европейских и российских интеллектуалов. В этом вопросе Волынский также «полемизирует с декадентством Серебряного века (в первую очередь, с тем же Мережковским) с его культом Ренессанса, ожиданием Третьего Возрождения и энтузиазмом по поводу ницшеанского язычества» (С. 187). Научную новизну составляет при этом не только установление этого первенства по отношению к критике Ренессанса у А.Н. Веселовского, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева, но и анализ методологических оснований и теоретической аргументации работ А.Л. Волынского, посвящённых Леонардо и Рембрандту.

Большую научную ценность и новизну имеет раскрытие диссертантом оснований и содержания поздних концепций А.Л. Волынского в параграфах

3.2 и 3.3 диссертации. Принципиальный характер имеет для Волынского противопоставление творчества Рембрандта классическим возрожденческим художникам, Леонардо и Микеланджело, и диссертант подробно рассматривает обоснование этого противопоставления в последнем крупном труде Волынского и философскую, эстетическую значимость этого труда. «Особенно ярко тезис о религиозной природе красоты раскрылся в книге Волынского «Рембрандт». Здесь же был доведен до совершенства метод интерпретации художественных произведений, основанный на герменевтике телесности – дешифровки языка пластики, поз, движений и т. д.» (С. 264), – констатирует автор, формулируя выводы параграфа. Рембрандт рассматривается Волынским как носитель архаического, праарийского духа, что даёт повод диссертанту перейти к рассмотрению историософской концепции анализируемого мыслителя.

Эта концепция была нацелена на поиск общих корней древних культур и религий евразийского континента. В основу развитого Волынским «архиевразийства» (термин предложенный и обоснованный диссертантом, О.А. Матвейчевым) легла так называемая «нордическая», «полярная», «арктическая» или «гиперборе́йская» гипотеза, заключающаяся в том, что на территории Северной Евразии в древности существовала матричная протоцивилизация, давшая начало всем остальным. Диссертант отмечает при этом, что «многие спорные и даже скандальные на первый взгляд тезисы концепции Волынского, которые современники воспринимали как его личный эксцентричный миф, впоследствии нашли подтверждение в исследованиях по иудаике и индоевропеистике» (С. 270-271). Общая картина развития человечества, предлагаемая Волынским, продолжает мысли уже высказанные в дискуссии с В.С. Соловьёвым: дивергенция, разветвление народов и культур из единого первоначала, и «единого корневища», которое и представляет собой конкретное всеединство, данное в при начале исторического пути, а не как его финал. Впрочем, возможность и даже необходимость возвращения к истоку Волынским предполагается, духовный прогресс, с его точки зрения возможен не как «вперёд к полноте», а как «назад к полноте»: «Гиперборе́йский монизм, убежден Волынский, – это не только прошлое, но и будущее человечества» (С. 272). В диссертации раскрывается методологический и теоретический потенциал архиевразийства, что повышает значимость полученных результатов для науки и практики.

Результаты и выводы диссертационной работы О.А. Матвейчева могут быть использованы как база для дальнейшего исследования истории русской философии, – в первую очередь для уточнения имеющихся историко-

философских представлений о предпосылках и логике развития русского религиозно-философского ренессанса. Кроме того, положения и выводы диссертационной работы имеют существенное значение для современной философской эстетики и философии искусства, философии истории, философской герменевтики, философии религии и философской антропологии.

Достоверность научных положений диссертации, полученных в ней выводов и заключений обеспечивается широкой источниковой базой, научными методами анализа текстов и историко-герменевтическим методом подходом к пониманию духовных содержаний культуры. Выводы по параграфам и главам обоснованы их содержанием и отражают основную научную новизну.

Диссертация О.А. Матвейчева представляет собой целостное и завершённое научное исследование. В нём заново вводится в современный научный оборот большой объём значимого фактического материала, до сих пор выпадавшего из поля зрения историков русской философии, в связи с этим углубляется понимание логики интеллектуальных движений рубежа XIX – XX веков, а также намечаются и обосновываются новые пути развития русской философской мысли.

Принципиальные замечания по представленной диссертационной работе отсутствуют, однако по ходу ознакомления с ней возникают некоторые вопросы, которые хотелось бы прояснить.

1. *Каковы были основания принятия А.Л. Волынским русской революции и его сотрудничества с советской властью?* Вопрос представляется важным с точки зрения полноты раскрытия философского мировоззрения А.Л. Волынского, который посвятил много времени и сил борьбе против именно тех общественно-политических и идейных направлений, которые стали предтечами советской идеологии и были ею вознесены на пьедестал. Диссертант приводит и такие слова Волынского (из «Гиперборейского гимна» 1925 года): «Настоящее порывает с прошлым и строит будущее из ничего. Сын убивает Отца, чтобы в свое время быть низверженным собственным сыном. Такова эта культура химических реторт и революционных лабораторий, в общем, при всех ее кричащих лозунгах труда и творчества – кровавый грех и идейная чепуха». При такой характеристике – в уже позднем творчестве – «революционных лабораторий» с «кричащими лозунгами труда и творчества» трудно понять, – почему советская власть смогла принять А.Л. Волынского, а он – советскую власть.

2. Какова была оценка А.Л. Волынским мировоззренческих оснований и художественной практики различных направлений русского авангарда, например, балета «Весна священная» И.Ф. Стравинского, экспериментов в поэзии и живописи?

3. Насколько можно судить, онтологические и эстетические взгляды А.Л. Волынского предполагали в качестве фундаментальной характеристики бытия гармоничное единство материи и духа и столь же гармоничный характер аполлонического искусства в качестве идеала. В этой связи, – в какой мере можно говорить, что «Волынский тоже [как и перечисляемые до этого иррационалисты] смотрит на Канта глазами Шопенгауэра» (С. 72)? *Каким образом шопенгауэровская трактовка Канта, предполагающая произвол Мировой Воли в качестве «истины мира» и видящая в искусстве «дионисийское» приобщение к стихии этой Мировой Воли, сочетается с последовательно развиваемым «аполлонизмом» Волынского?* «Дионисийство» Шопенгауэра мы, конечно, берём при этом в кавычки, но параллель с Ницше в этом отношении представляется оправданной.

4. Как не раз подчёркивает диссертант, творческий метод А.Л. Волынского и основа его эстетического и общеполитического мировоззрения были определены «спинозианским принципом»: «Ключ к духу – материя, телесность; ключ к материи – дух» (С. 54). Идеология Ренессанса также (или не так же?) строилась на том, чтобы «дух делать более плотским, а плоть – более духовной» (С. 190). *Почему в таком случае «Леонардо, являющийся символом эпохи Возрождения (...), для Волынского – символ упадка» (С. 192)?*

5. Христианство является религией мировой, то есть адресованной любому человеку без различия национальности, языка и культуры. В отличие от этого иудаизм, хотя и говорит о поклонении единому Богу, Творцу всей вселенной и всех людей, однако принципиально обращён исключительно к одному народу, к Израилю, имеющему особый (союз) завет с Богом-Вседержителем. Учитывая это вполне понятны симпатии и интерес А.Л. Волынского в раннем и зрелом периодах его творчества к христианству, имеющему универсальный характер. *Что явилось причиной духовной переориентации Волынского на иудаизм в поздний период?* Его стремление опереться на предельно древний, изначальный, доарийский «гиперборейский» монизм понятно, и очевидно, что христианство связано с исторической личностью Иисуса, относящейся к эпохе на тысячелетия более поздней. Но Волынский мог бы, – например, – предположить (и заявить), что христианство есть «возврат» к изначальному духовному монизму, к гармоническому

единству тела и духа, более того, – реализация этой гармонии через «обожение» человека и мира. Однако он предпочёл «чистый» (без Троицы и Богочеловечества) иудейский монизм, будучи при этом вынужденным смириться с национальной ограниченностью иудаизма. *Каковы, по мнению диссертанта, могли быть философские, духовные, психологические – или иные – причины такого поворота?*

Автореферат диссертации в достаточной степени раскрывает её теоретико-методологические основы, а также основные положения содержания. Результаты проведённого диссертационного исследования нашли своё отражение в научной печати, в том числе в 21 статье в изданиях, включённых в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук», составленный Высшей аттестационной комиссией (ВАК). Значительная часть исследования, представленного в диссертации (преимущественно во второй главе) легла в основу авторской монографии «Титаномания. Аким Волынский в философских дискуссиях Серебряного века» (М.: Наука, 2025. – 295 с.). Отдельные аспекты проблематики третьей главы диссертации затрагиваются в монографии «Гиперборея. Приключения идеи» (М.: Концептуал, 2023. – 320 с. В соавторстве с А.В. Беляковым).

Заключение. Диссертационное исследование Матвейчева Олега Анатольевича «Философское творчество Акима Волынского в контексте русского религиозно-философского ренессанса конца XIX – начала XX в.» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы исторических и идейно-философских оснований русского религиозно-философского ренессанса, имеющей важное значение для развития истории русской философии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук, согласно п. 2.1 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного ученым советом РУДН, протокол № УС-1 от 22 января 2024 г., а её автор, Матвейчев Олег Анатольевич, заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности: 5.7.2. – История философии.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником отдела философии Института философии и права УрО РАН, доктором философских наук (09.00.03 – История философии), доцентом А.Л. Анисиним.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании отдела философии Института философии и права УрО РАН 19 ноября 2025 г., протокол № 25.

Председательствующий на заседании:

заведующий отделом философии, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, профессор

О.Ф. Русакова

подпись *Русаковой О.Ф.*
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав. общим отделом
А.А. Шклярова *А*

Ведущая организация:

Институт философии и права

Уральского отделения Российской академии наук

Сайт: <https://www.ifp.uran.ru/>

E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Телефон: +7 (343) 374-33-55

Почтовый адрес: 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.